

Т.Н. Радько, А.А. Меликовский

**ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРАВА
НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

Выходные данные:

*Радько Т.Н., Меликовский А.А. Философско-теоретические вопросы
правового регулирования в системе воздействия права на
общественные отношения // Механизм правового регулирования:
история и современность. V Алексеевские чтения / отв. ред.
В.Д. Перевалов. Екатеринбург: Уральский государственный
юридический университет, 2019. Часть 1. С. 23-39.*

Нужно сохранить наследие классиков, в том числе советских, которые были новаторами и многое поняли и предвидели. Нам необходимо заново открывать С. С. Алексеева. В этом насущная потребность развития фундаментального правоведения в России.

УДК 340

*Радько Тимофей Николаевич**
*Меликовский Александр Ариевич***

ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРАВА НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация: анализируется место правового воздействия на правовые отношения в системе правового регулирования. Отмечается, что индивидуальное правовое регулирование наиболее подходит для человека как субъекта общественных отношений. Авторы приходят к выводу о том, что механизм правового регулирования как система средств непосредственного воздействия права на общественные отношения выражает субстанциональный аспект динамики правовой системы общества.

Ключевые слова: воздействие права, индивидуальное правовое регулирование, правовая система общества, саморегуляция

* Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: tnradko@yandex.ru.

Honored lawyer of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, professor of Theory of law department, Kutafin Moscow State Law University, e-mail: tnradko@yandex.ru.

** Преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: melikovskiy@yandex.ru.

Lecturer at Theory of law department, Kutafin Moscow State Law University, e-mail: melikovskiy@yandex.ru.

**PHILOSOPHICAL AND THEORETICAL PROBLEMS
OF LEGAL REGULATION
IN THE SYSTEM OF INFLUENCE OF LAW
ON PUBLIC RELATIONS**

Abstract: the place of legal influence on legal relations in the system of legal regulation is analyzed. It is noted that individual legal regulation is most suitable for a person as a subject of social relations. The authors come to the conclusion that the mechanism of legal regulation as a system of means of direct impact of law on public relations expresses the substantial aspect of the dynamics of the legal system of society.

Key words: impact of law, individual legal regulation, legal system of society, self-regulation

Взаимоотношения между людьми на протяжении существования человечества упорядочивались различными социальными регуляторами. Практически во все исторические эпохи в тех или иных исторических областях человеческого общежития доминировали такие из них, которые, как правило, носили нравственно-религиозный и (или) произвольно-силовой характер. Наличие второго качества в матрице воздействия на общественные отношения того или иного регулятора свидетельствует о господстве потестарного типа социокультуры, что демонстрирует отрицание аксиолого-телеологической направленности собственно существа регуляции как нормативного олицетворения свободы¹. В рассматриваемом контексте потестарность противостоит юрицизму (правовому типу социокультуры), осуществляя (если использовать терминологию В. А. Четвернина) «бегство» или «спасение от хаоса»² (т. е. упорядочивание обще-

¹ Еще К. Маркс подчеркивал, что «юридически признанная свобода существует в государстве в форме закона» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 62). По нашему мнению, «закон» в данном случае необходимо толковать в широком смысле как правовой акт.

² См., например: Четвернин В. А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования НИЛ теории права НИУ ВШЭ. 2013. Вып. 13. № 1. С. 4, 5.

ственных отношений) преимущественно принудительно-властными способами¹.

Именно поэтому право как центральный элемент правового типа социокультуры – основное творение культурно-цивилизационного этоса, ибо отличается от иных средств соционормативной регуляции тем, что представляет собой «форму несилового, мирного развития отношений между людьми, народами и цивилизациями»². Ю. А. Веденеев подчеркивает, что в этом смысле право обеспечивает порядок в различных социальных связях и соответственно «является органической частью культурно-исторического цикла существования человеческих сообществ»³.

Однако в условиях господствующего нормативизма отечественная правовая теория и практика до сих пор по существу придерживаются (за исключением ослабления употребления некоторого понятийно-категориального аппарата, отражающего особенности марксистско-ленинской теории) утвержденного на I Совещании по вопросам науки советского государства и права 1938 г. определения права А. Я. Вышинского. Согласно ему право есть «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»⁴.

¹ В потестарной парадигме осуществляется, по сути, диаметрально противоположная миссия: «Подавляется свобода, свободный социальный обмен и упорядочивается принудительное публично-властное распределение (и перераспределение) ресурсов жизнедеятельности в масштабах общества» (*Четвернин В. А.* Проблемы теории права для особо одаренных студентов. С. 14 // URL: http://lib.maupfib.kg/wp-content/uploads/problems_2010.pdf (дата обращения: 25.07.2019).

² *Лапаева В. В.* Право как форма диалога цивилизаций // Право и политика (научные очерки). М., 2009. С. 11.

³ *Веденеев Ю. А.* Грамматика правопорядка: моногр. / науч. ред. В. В. Лазарев. М., 2018. С. 137.

⁴ Основные задачи науки советского права: материалы 1-го Совещания научных работников права. 16–19 июля 1938 г. М., 1938. С. 37. Цит. по: *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика: моногр. М., 2012. С. 13–14. См. также: *Турецкий В. А.* I Совещание по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Сов. государство. 1938. № 4. С. 119–129; *Уманский Я. Н.*

Примечательно, что подобный подход потестарного характера не обусловлен, как справедливо отмечал В. С. Нерсисянц, «объективными свойствами и требованиями права», а наоборот, скорее выступает в качестве «исходного правообразующего и правоопределяющего фактора», «силового... первоисточника права»¹.

Вместе с тем в постсоветское время теория права испытывает влияние либерально-демократических ценностей. На деле в российской юридической науке идет процесс заметной вестернизации, что приводит к отражению западных по происхождению идей в праве не только на уровне чистого теоретического осмысления его духа, но и при толковании права в облике его прескриптивных текстов (выявляя соотношение духа и буквы закона). Следовательно, подобные тенденции понемногу сказываются на правовой практике и дальнейшей правовой политике². Другими словами, наличие различных либеральных и делиберативных ориентиров в отечественной теории права предписывает ей переосмысление сути накопленного эмпирического материала. Речь идет о том, что российская правовая наука все чаще встает перед вопросом о понятии права и его отграничении от произвола.

К сожалению, приходится признать, что легитимация общемировых стандартов западного образца (непосредственно связанных с правовым типом социокультуры) в российском обществе³, если учесть главенство на протяжении длительного времени позиции А. Я. Вышинского и аналогичных ей концепций, естественно, будет проходить еще не одно десятилетие. Во всяком случае утешает по меньшей мере тот факт, что российская юридическая теория и практика встали на путь отличия права как некоего объективного явления от субъективного, юридически грамотно оформленного произвола. В связи с этим отечественное право, испытывая влияние

Первое совещание по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вестн. Академии наук СССР. 1938. № 7. С. 49–55; и др.

¹ Нерсисянц В. С. *Философия права*: учеб. М., 2005. С. 90.

² См. подробнее: Радько Т. Н., Геворгян А. А. *Свобода личности как аксиологическая основа правовой политики // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах*: коллектив. моногр. / под ред. А. А. Дорской. СПб., 2019. С. 30–42.

³ Смеем утверждать, что авторы, считающие права человека агрессией западного мира и предлагающие развиваться далее «собственным путем», отрицают ценность прав человека как сердцевины правового типа социокультуры и права в целом как его центрального элемента, рассуждают в потестарной парадигме.

аксиологических идей «передового Запада», на самом деле возвращается к дореволюционным истокам отечественной политико-правовой мысли, и таким образом, по словам Е. А. Фроловой, «обретает форму нормативного (типичного) упорядочения и воспроизводства определенных видов общественных отношений, охраняемых средствами юридического процесса со стороны государства»¹.

Стоит упомянуть, что право является универсальным регулятором общественных отношений². Д. Н. Ушаков определял слово «универсальный» как «разносторонний, охватывающий многое»³. Право в этом аспекте действительно носит универсальный характер: оно распространяется практически на все сферы человеческой жизнедеятельности. При этом необходимо учитывать, что право должно воздействовать только на те общественные отношения, которые объективно в этом нуждаются⁴, а не на те, на которые направлен навязываемый произвол «господствующего класса» (это, собственно, и есть центральный тезис философско-правового осмысления теории воздействия права на общественные отношения).

¹ Фролова Е. А. Проблемы теории и философии права: моногр. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 103. См. подробнее: Коржунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 87–88; Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права (М., 1916) // Философия и социология права / сост., прим., указ. В. В. Сапова. СПб., 1998. С. 211–212; и др.

² Важно подчеркнуть, что право является универсальным регулятором именно общественных отношений, но отнюдь не человеческого поведения в целом, что обуславливает наличие определенных границ его воздействия на общественные отношения. См. подробнее: Иванов В. Л. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестн. Омского ун-та. Сер. Право. 2011. № 4. С. 6–18; Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Лазарев В. В. Избр. тр.: в 3 т. Т. II. М., 2010. С. 167–177.

³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь. 1935–1940 // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1068070> (дата обращения: 25.07.2019).

⁴ Неслучайно в теории естественного права существуют так называемые принципы практической разумности, по существу являющиеся первичными, даже предшествующими морали (см., например: Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. М.; Челябинск, 2019. С. 56). Особо акцентируется внимание на них у Фомы Аквинского, который полагает, что «исходная точка практического рассуждения – ... опыт этой [человеческой. – Т. Р., А. М.] природы, переживаемый, так сказать, изнутри, в виде собственных склонностей» (Там же. С. 57). На данном тезисе основана его дефиниция закона («установление разума в целях общего блага, принятое и обнародованное теми, кто имеет попечение об обществе») (Фома Аквинский. Сумма теологии. I. 2.90.4. Цит. по: Козлихин И. Ю. История политических и правовых учений. Курс лекций: учеб. пособие. М., 2014. С. 110).

Кроме того, право можно понимать как в объективном, так и в субъективном смысле. Приведенные размышления относятся к объективному праву, и в данном контексте универсальность права относительна ввиду того, что на сугубо частные вопросы право не может и не должно влиять, иначе превращается в принуждающий произвол, т. е. в неправо, теряя свои правовое качество и социальную сущность. Субъективное же право носит абсолютный универсальный характер. Французский философ А. Конт-Спонвиль, исследуя проблему универсальности, особо выделяет права человека. По его мнению, «они пригодны для каждого человеческого существа... и должны применяться к любому человеческому существу, даже если само это существо их не уважает»¹. Стало быть, право выступает, с одной стороны, универсальным регулятором лишь относительно (если речь идет о праве в объективном смысле; по причине его преобразования в неправо), с другой стороны, универсальным средством, присущим всем людям (если речь идет о праве в субъективном смысле; в первую очередь, безусловно, если иметь в виду естественные права и свободы личности).

Универсальность права (будь то относительная или абсолютная) делает феномен права наиболее значимым, объективным, наконец, справедливым, а потому и авторитетным регулятором общественных отношений. Правовая соционормативная регуляция как идиллический уникум осуществляется благодаря его воздействию на социальную жизнь в целом и в особенности на общественные отношения, т. е. вследствие оказания влияния на те или иные общественные процессы.

На наш взгляд, воздействие права на общественные отношения бывает как непосредственным, так и опосредованным. Непосредственное воздействие права представляется преимущественно распространенным явлением и в юридической литературе именуется правовым регулированием. Под данной категорией принято понимать регламентацию общественных отношений посредством общеобязательных правил поведения и основанных на них предписаний индивидуального значения, обеспеченных в необходимых случаях государственным принуждением.

¹ *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь. М., 2012 // URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/2172/%D0%A3%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 25.07.2019).

Правовое регулирование в зависимости от характера своего воздействия бывает нормативным (общим) и индивидуальным (персонифицированным). Нормативность, как известно, предполагает распространение на неограниченный (количественно) круг лиц (неперсонифицированность, т. е. отсутствие конкретных адресатов) и на неограниченное количество ситуаций. Индивидуальное же правовое регулирование предполагает наличие конкретного адресата и ситуации, в рамках которой происходит осуществление субъективных прав и правовых обязанностей. В этом смысле индивидуальное правовое регулирование справедливо называть правовым регулированием в предельно конкретизированной форме. Подобной терминологии придерживался В. С. Нерсесянц, утверждавший, что данное явление выражает право в динамике, в то время как правовое регулирование в абстрактно-общей форме – в статике¹. Таким образом, в данном аспекте индивидуальное регулирование выступает второй стадией правового регулирования в целом, что означает, что индивидуальное регулирование является составной частью правового регулирования.

С другой точки зрения раскрывает эту проблему В. В. Ершов. По его мнению, необходимо дифференцировать правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений². Однако равным образом В. В. Ершов отмечает, что «правовое регулирование общественных отношений без индивидуального регулирования (как и наоборот), теоретически невозможно, а практически контрпродуктивно»³.

Более того, ученый рассуждает о дискуссионности понятия «правовое регулирование». Дело в том, что некоторые авторы именуют его нормативным регулированием⁴. В. В. Ершов справедливо пишет, что, во-первых, «„нормы“ вырабатываются как правовыми, так и другими социальными регуляторами», а во-вторых, «с позиции юридического позитивизма в жестких рамках традиционного

¹ *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства: учеб. М., 2012. С. 479.

² *Ершов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018.

³ Там же. С. 109.

⁴ Такая позиция прослеживается в основном у лиц, не связанных профессиональными узами с юриспруденцией, например в трудах В. В. Фединой. См., например: *Федина В. В.* Нормативное регулирование и основные принципы бухгалтерского учета в России // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2008. № 1. С. 145–152.

„нормативного правопонимания“, как правило, исследуются не все „нормы права“, содержащиеся в различных формах... права, а только „нормы права“, установленные в „законодательстве“»¹. При этом он законодательство понимает в самом широком смысле как правовые акты².

Другими словами, позиция В. В. Ершова заключается в том, что «теоретически более точным названием данного вида социального регулирования общественных отношений является „правовое регулирование“», в силу того что регулятором в нем выступает собственно право, а не его норма, которая относится «только к одному из возможных средств правового регулирования»³. Стало быть, в рассматриваемом контексте правовое регулирование представляет собой системную совокупность нормативного правового (абстрактно-общего) и индивидуального правового (предельно конкретизированного) регулирования.

В то же время индивидуальное регулирование как самоопределение субъектов права представляется возможным лишь в диспозитивном правовом регулировании, когда субъектам общественных отношений предоставляется определенная автономия, в связи с чем они имеют возможность в границах «законодательства» (в понимании В. В. Ершова) совершать действия по своему усмотрению. В этом смысле индивидуальное регулирование также выступает составной частью правового регулирования.

С учетом общественного прогресса, а соответственно и возникновения с каждым днем новых социальных отношений, которые право попросту не успевает регулировать, получает признание и третья точка зрения, согласно которой индивидуальное регулирование даже не лежит в одной плоскости с правовым регулированием, поскольку осуществляется при отсутствии нормативного (абстрактно-общего) правового регулирования.

Таким образом, индивидуальное регулирование более разнообразное и тонкое явление, более свойственное человеку как субъекту общественных отношений, индивиду как таковому. По своей природе оно представляет собой частное регулирование, а по существу и саморегулирование.

¹ *Ершов В. В.* Указ. соч. С. 120.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 120.

Сегодня в реалиях постиндустриального или постклассического (постнеклассического¹) миропонимания большинство социальных институтов интерпретируются в парадигме современного постиндустриального, информационного, глобализирующегося «общества риска»², что указывает на факт порождения процессом модернизации взаимодействия общества с вызовами и угрозами современности³. Такого рода кооперация требует признания всех социальных явлений и процессов как «сложных саморазвивающихся систем»⁴. Небезызвестно, что саморазвитие характеризуется способностью к самоорганизации, самостоятельному регулированию. С. С. Алексеев указал, что право – это не только структурно сложная, динамическая система, но и система в известной степени «саморегулирующаяся» и «самонастраивающаяся»⁵. Он одним из первых в отечественной правовой науке установил, что право по сути феномен саморегулирующийся.

В. В. Ершов считает выводы С. С. Алексеева «теоретически недостаточными»⁶. Он полагает, что «право является системой, но „саморегулирующейся“ лишь частично в порядке, например, конкретизации основополагающих (общих) начал и (или) специальных принципов права и выработки правотворческими органами в результате их развития норм национального или международного права»⁷.

Возражения в этой части, на наш взгляд, не совсем справедливы. С. С. Алексеев лишь констатировал факт «саморегуляции» в праве, не говоря ничего про его объем и характер. Именно поэтому, по нашему мнению, упрекать его в «теоретической недостаточности» не совсем корректно, поскольку сам автор не ставил перед собой

¹ Подобная терминология активно использовалась В. С. Степиным. См., например: *Степин В. С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: материалы Междунар. науч. конф. в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.) / отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М., 2012. С. 13.

² См. подробнее: *Честнов И. Л.* Правовая политика в постсовременном социуме // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах. С. 13 и др.

³ См., например: *Матюх Е. Т.* Теории «общества риска» в современной гуманитарной науке // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 33 и др.

⁴ *Честнов И. Л.* Указ. соч. С. 13; *Степин В. С.* Указ. соч. С. 13.

⁵ *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 265.

⁶ *Ершов В. В.* Указ. соч. С. 115.

⁷ Там же. С. 116.

задачи раскрыть существо рассматриваемого явления, хотя мысль В. В. Ершова о том, что право есть система частично саморегулирующаяся, заслуживает внимания. К тому же С. С. Алексеев, осознавая слабую изученность феномена «саморегуляции» в юридической науке того времени, лишь с целью пояснения его природы привел синоним к данному выражению (охарактеризовав его как «самонастраивающуюся» систему).

В самом деле, правовое регулирование представляется «саморегулирующимся», «самонастраивающимся» явлением социальной действительности. С. С. Алексеев как истинный теоретик права рассматривал все феномены предельно широко, задаваясь в первую очередь вопросами о существовании и назначении исследуемых им правовых явлений. Сверх того, помимо норм права (на которые собственно и ссылается В. В. Ершов) в системе права действуют правовые презумпции, аксиомы, фикции, в конце концов, способы устранения пробелов и коллизий в праве, а также ряд других правовых средств, позволяющих праву быть саморегулирующейся системой. К. В. Шундилов пишет, что любые акты договорного характера (что в очередной раз подчеркивает эксклюзивную природу индивидуального регулирования и его значимость) по сути «выступают базовыми составными компонентами процесса самоорганизации социальных систем, которые с целью самосохранения находят внутри себя резервы для принятия спасительных конструктивных решений»¹.

Указанный автор также высказывает мысль о том, что «„управляемой“ [на наш взгляд, в контексте цитируемой мысли речь идет о саморегуляции. – Т. Р., А. М.] системе нельзя произвольно навязать любые варианты упорядочивания без учета особенностей ее наличного состояния и тенденций развития... следовательно, „хорошее правовое регулирование“ не может иметь ничего общего с произволом и волюнтаризмом, с попытками законодателя вопреки всему провести в жизнь тот или иной закон»².

Возникает вопрос: что К. В. Шундилов подразумевает под «хорошим» правовым регулированием? В любой науке, в том числе правовой, как периодически повторяет В. А. Четвернин, не бывает ничего ни «хорошего», ни «плохого». Право по своему назначе-

¹ Шундилов К. В. Синергетика и правовое регулирование // Ленинградский юрид. журн. 2013. № 1. С. 122.

² Там же. С. 119.

нию служит справедливости, а потому и не может «иметь ничего общего с произволом и волюнтаризмом»: оно создано для других целей. Если право, как ранее уже отмечалось, теряет свое правовое качество, оно автоматически переходит в неправое. Влияние нормативизма привело к тому, что имевший место официальный произвол назывался правом, но это не так. Юридическая практика еще может в силу своей приземленности (в особенности в силу отрыва от философии права) позволить себе такие рассуждения и решения, однако люди, представляющие правовую науку, должны исходить из принципиально иных позиций.

Приходят на память слова французского анархиста П. Ж. Прудона, который утверждал: «Что значит слово *правоведение*? И не следовало бы говорить вместо него *правоневедение*?»¹. Поясим, что правоведение – это юриспруденция, собственно наука о праве (но никак не о неправе – тогда бы это была лженаука), а общая теория права и государства как фундаментальная юридическая наука – ее душа, а скорее – сердце, которое задает ритм (в терминологии марксистско-ленинской теории) всей юридической надстройки.

Одна из задач общей теории права и государства в контексте рассматриваемых проблем кроется в попытке детально разработать механизмы (системы) воздействия права на общественные процессы. Детальность для правовой теории очень важна, потому что со временем при реализации того или иного учения на практике неуточненные частности могут привести к губительной конвенции: может проявиться, как пишет К. В. Шундиков, «„эффект бабочки“ – несущественные на первый взгляд обстоятельства могут повлечь за собой значимые последствия»².

Если речь идет о непосредственном воздействии права (т. е. о правовом регулировании общественных отношений), то оно реализуется через механизм правового регулирования, доктрина которого была впервые предложена С. С. Алексеевым. Он предложил понимать под механизмом правового регулирования «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные

¹ Прудон П. Ж. Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти // Антология мировой правовой мысли. М., 1999. Т. III. С. 416.

² Шундиков К. В. Указ. соч. С. 119.

отношения»¹. В другой своей работе С. С. Алексеев определял механизм правового регулирования как «взятую в единстве систему правовых средств... при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения»².

Как видно, приведенные дефиниции отличаются только тем, что во второй «совокупность» заменена на «систему». Именно поэтому представляется, что оно у С. С. Алексеева наиболее точное, поскольку дает возможность наблюдать детерминированные свойства и элементы, осуществляющие правовую регламентацию общественных отношений в их непрерывном и взаимосвязанном действии, т. е. в их системной корреляции. Однако обе дефиниции имеют общий недостаток – правовое регулирование определяется через правовое воздействие. В таком подходе изначально содержится неточность. Тем не менее указанное определение механизма правового регулирования получило наибольшее признание в юридической литературе.

Сегодня видно, что С. С. Алексеев наметил основные элементы механизма правового регулирования, создав его каркас: нормы – правоотношения – акты реализации. Безусловно, сам механизм имеет еще много деталей, которые выполняют важные функции в правовом регулировании. К их числу относятся уже ранее отмеченные принципы права, презумпции, аксиомы, фикции, преюдиции, способы преодоления пробелов и коллизий в праве и т. д. По нашему мнению, чтобы раскрыть суть правового регулирования более широко и глубоко, нужно ввести еще одно понятие, которое поможет это сделать. Им может выступать категория «процесс правового регулирования», которая будет охватывать все элементы правового регулирования, а не только его механизм. Процесс правового регулирования – это правотворчество и правоприменение, договорная деятельность, интеллектуальные акты, а также элементы, выходящие за «каркас» механизма правового регулирования (принципы, аксиомы и т. д.). Одним словом, С. С. Алексеев оставил многое для размышления и для выявления сущности механизма правового регулирования.

Вопрос о соотношении правового регулирования и правового воздействия в учебных и научных источниках по теории права и государства уже давно стал классическим и не теряет актуаль-

¹ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования. М., 1996. С. 30.

² Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. С. 153.

ности¹. По нашему мнению, правовое воздействие можно понимать в широком и узком смысле. В узком смысле оно выступает производной правового регулирования, его вторичным результатом – продуктом опосредованного воздействия права на общественные процессы. Представляется, что в данном случае рассматриваемые категории лежат в разных плоскостях, и оценивать «широту» одного понятия по отношению к другому не совсем корректно. Однако большинство авторов, понимая правовое воздействие в широком смысле, придерживаются точки зрения, согласно которой оно представляет собой более широкое явление, чем правовое регулирование².

На наш взгляд, то содержание, которое они вкладывают в правовое воздействие, точнее передается категорией «воздействие права на общественные отношения». Если уж с позиций русской лексики и кажется, что правовое воздействие и воздействие права тождественны, то полагаем, что необходимо добавлять к правовому воздействию конкретизацию о том, что понимается данный феномен в широком смысле. Как верно отмечает Н. И. Матузов, «всякое регулирование предполагает, разумеется, определенное воздействие, но не всякое воздействие есть регулирование, то есть нормирование общественной жизни»³.

Правовое регулирование представляет собой особый формализованный метод государственной регламентации действий субъектов права посредством правовых норм. По времени оно совпадает со сроком действия нормы права. В правовом воздействии же норма права может быть отмененной, не способной осуществлять регулирование общественных отношений, но она может оставаться в памяти людей и влиять на их сознание (как, например, бывшее законодательство СССР о бесплатном образовании, здравоохранении, о пенсионном обеспечении и т. д.). Вместе с тем правовое регулирование – процесс целенаправленный. Как отмечает К. В. Шундилов, «роль целенаправленного регулирования как внешнего по отношению к системе правовой жизни информационного фактора

¹ В связи с этим необходимо отметить значение исследования правового воздействия Л. Н. Берг. См.: *Берг Л. Н.* Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

² Сам С. С. Алексеев придерживался данной точки зрения. Об этом свидетельствует то, что правовое регулирование он определял через правовое воздействие. См., например: *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. Т. 1. С. 153.

³ *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия. Саратов, 1972. С. 61.

оценивается с учетом действия иных (прежде всего внутрисистемных) параметров порядка. Именно взаимодействие последних, их конкуренция и кооперация главным образом и определяют результаты формирующихся структур правовой жизни общества»¹.

Теоретическое наследие С. С. Алексеева можно и нужно анализировать с более широких философских позиций, чтобы дать ему объективную оценку. Нельзя судить о его вкладе в юридическую науку по отдельным статьям и книгам, которых он написал великое множество. В них можно найти противоречия, разные оценки, суждения, несоответствия современным научным подходам. Он сам об этом писал в работе «Линия права»², где говорил об отрицательных влияниях жесткой линии марксизма-ленинизма на советскую юридическую науку, но при этом делал справедливый вывод о том, что советские юридические знания были наукой, что и доказал конкретными примерами.

Это было особо важным заявлением, поскольку в то время отдельные ученые стали относиться к советскому периоду юридической науки крайне отрицательно. Например, В. М. Сырых утверждал, что марксистско-ленинская теория права никогда не была наукой, а В. М. Баранов – что необходимо пересмотреть все, что было написано в советской теории права и т. п. В то же время критик марксизма Карл Поппер написал: «Карл Маркс предпринял попытку применить рациональные методы к насущным проблемам общественной жизни... его труды не пропали даром. Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксовской общественной науке уже немыслимо»³.

Рассматриваемый аспект вопроса, по существу, относится к проблемам правовой догматики. Именно поэтому уместно обратить внимание на феномен действия права. Наиболее лаконичное определение действия права принадлежит перу В. С. Нерсесянца. По его мнению, «это совокупность всех форм проявления его юридической силы», т. е. официальной обязательности⁴. Сила права в его общеобязательности, а соответственно и в возможности принуждения со стороны государства, чего не может быть в правовом воздействии.

¹ Шундигов К. В. Указ. соч. С. 118.

² Алексеев С. С. Линия права. М., 2006.

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 98.

⁴ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. С. 478.

Сказанное свидетельствует о том, что действие права представляется возможным лишь при непосредственном и целенаправленном воздействии права – при правовом регулировании. При опосредованном воздействии действие права невозможно, ибо формально-го обязательства в этом случае не возникает. Дело в том, что норма права одинаково успешно может воздействовать на волю, мысли и чувства человека, предписывать ему строго определенный вариант действия, устанавливая права и обязанности (являться одной из предпосылок правоотношения), т. е. выступать в качестве как воздействующего, так и регулирующего фактора. Однако при этом важно различать силу права и право силы. Второе выступает ярко выраженным вариантом навязываемого произвола, т. е. чистого неправа.

Таким образом, различие воздействия и регулирования состоит в том, что право может воздействовать на правосознание, формируя у людей определенные взгляды, оценку норм права, законности, отношение к ним и т. д., а регулировать правосознание оно не в состоянии. Право по отношению к правосознанию выступает лишь воздействующим фактором, а не регулятором, способным расставить по местам мысли и чувства участников регулируемых отношений.

Правовое регулирование представляет собой сложное переплетение структурных элементов (составных звеньев), организованных в системной взаимосвязи. Как правильно отмечал В. М. Горшенев, категория правового регулирования выражает «динамическую сущность всей юридической надстройки»¹. В связи с этим С. С. Алексеев считал, что «понятие „механизм правового регулирования“ близко к понятию „юридическая надстройка“ (или юридическая часть надстройки). И в том, и в другом случае имеются в виду право, правоотношения, правосознание и другие правовые явления. Но когда они анализируются как элементы единого механизма, внимание концентрируется на динамической стороне надстройки, на составе и соотношении всей системы средств...»². Полагаем, что в последнее время ввиду ослабления понятийно-категориального аппарата марксистско-ленинской теории функции «юридической надстройки» по существу выполняет правовая система общества.

¹ Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования. М., 1969. С. 8.

² Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ справоч. том]. М., 2010. Т. 3. С. 151–152.

Более того, по нашему мнению, правовая система общества уже по содержанию, чем правовое воздействие (в широком смысле). В правовую систему входят все активные правовые феномены – право, законодательство, правосознание, правовая культура, юридическая практика, правовые учреждения и т. д. (например, А. П. Семитко еще включает сюда человека). Правовое же воздействие осуществляется даже еще и уже не действующими элементами правовой системы общества. Например, никто не оспорит воздействия на сознание людей проекта закона об увеличении пенсионного возраста, принятого Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 27 сентября 2018 г. и одобренного Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 3 октября 2018 г.¹

Нельзя не сказать, что отдельные критики называют С. С. Алексеева стойким и неотступным нормативистом. Да, нормативный подход к праву был преимущественным в его трудах, но как можно было раскрыть механизм правового регулирования, структуру права, дозволения и запреты в праве, исключив норму права? Вместе с тем С. С. Алексеев смотрел на право шире, чем только как на систему норм. Еще в 1980 г. им была опубликована статья «Право и правовая система»², в которой ученый писал, что понятие «правовая система» позволяет выйти за рамки нормативности и использовать все правовые явления для характеристики права. В этом смысле существенно значение механизма правового регулирования как системы средств непосредственного воздействия права на общественные отношения, поскольку по сути механизм правового регулирования выражает субстанциональный аспект динамики правовой системы общества.

В юридической науке это было новым направлением, выступающим своеобразной парадигмой в исследовании права. Вследствие этого начинают выходить работы Н. И. Матузова «Правовая система и личность»³, В. Н. Синукова «Российская правовая система: введение в общую теорию»⁴, Я. М. Бельсона «Правовая система

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 41. Ст. 6190.

² Алексеев С. С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1.

³ Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1976.

⁴ Синуков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994.

социализма»¹, а также ряд других работ, в которых авторы стремились всесторонне проанализировать и охарактеризовать правовую систему общества как совокупность всех правовых явлений в их системно-исторической преемственности.

¹ Бельсон Я. М. Правовая система социализма: в 2 кн. М., 1986. 1987.

УДК 340.1

*Алексей Павлович Семитко**

**МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
С. С. АЛЕКСЕЕВА
КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА**

Аннотация: анализируется идея механизма правового регулирования, разработанная С. С. Алексеевым, сквозь призму системного подхода. Отмечается, что этот механизм является единой и целостной системой. Автор делает вывод о том, что российская теория права базируется на «механизменной» форме, что является следствием теоретических разработок С. С. Алексеева.

Ключевые слова: системный подход, механизм правового регулирования, системный анализ, общественные отношения, самоорганизация

Alexey Semitko

**THE LEGAL REGULATION MECHANISM OF S. ALEXEEV
AS IMPLEMENTATION OF A SYSTEM APPROACH**

Abstract: the author analyzes the idea of a legal regulation mechanism developed by S. Alekseev, through the prism of a systems approach. It is noted that the mechanism of legal regulation is a single

* Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права Гуманитарного университета, e-mail: asemitko@mail.ru.

Doctor of juridical sciences, professor, head of Public law department, University of Humanities, e-mail: asemitko@mail.ru.